

Если раньше Альбус Дамблдор считал отсутствие сладостей личной трагедией, то теперь он осознал: на реальное положение дел это не влияет. Честно говоря, сейчас он был готов и вовсе забыть об их существовании, лишь бы навести порядок в том хаосе, что воцарился в школе. Сидя в директорском кабинете, он созерцал пустые рамы портретов — почти все предшественники куда-то исчезли. Он перевел взгляд на горы писем, которые, казалось, множились сами по себе, и втайне пожелал, чтобы обретение портретов Предка-льва и Предка-змея оказалось всего лишь чьим-то затянувшимся розыгрышем.

С той памятной ночи весь магический мир Британии погрузился в смятение. Аристократы и простолюдины, Министерство и Хогвартс — все оказались втянуты в этот водоворот. Буквально за одну ночь многолетнее противостояние Гриффиндора и Слизерина превратилось в нелепую шутку: теперь «львы» и «змеи» при встрече лишь молча и понимающе обходили друг друга стороной. Зато студенты Рэйвенкло и Хаффлпаффа внезапно отбросили вековой нейтралитет и принялись развивать бешеную активность на чужих факультетах; их поведение на уроках заставляло профессоров сомневаться, знали ли они этих детей раньше.

Обычно прижимистые попечители школы вдруг проявили чудеса щедрости. Они закупили партию новых метел, выделили огромные суммы на ремонт и обновление помещений, и даже направили в школу специальных контролеров для надзора за тратами. Более того, они постоянно расспрашивали учеников, довольны ли те перемещениями. Больше всех Дамблдора беспокоил Люциус Малfoy. Этот «платиновый аристократ» внезапно примерил на себя маску истинного филантропа: он первым начал спонсировать нуждающихся студентов (не глядя на цвета их факультетов), предложил предоставить элитным ученикам доступ к личной библиотеке Малфоев и даже пригласил детей в поместье — отведать стряпню леди Нарциссы. В одночасье одиозный «бывший Пожиратель смерти» и «упёртый сторонник чистоты крови» превратился в «щедрого мецената» и «лучшего друга молодежи», заставив всех в изумлении протирать глаза.

За пределами Хогвартса ситуация была не лучше. «Ежедневный пророк» почти каждый день выделял целые полосы под статьи, продиктованные Четырьмя Основателями, и каждое слово в них наносило сокрушительный удар по сердцам волшебников. Совместное заявление Годрика и Салазара о том, что они не оставили после себя никаких прямых кровных наследников, превратило притязания Волдеморта на родство со Слизерином в сущий фарс. Все больше людей включались в безумную гонку по разоблачению личности Темного Лорда, а те, кто пострадал от его рук, принялись яростно клеймить «этого безродного лжеца, прячущего лицо». Старые дела Пожирателей смерти, полузабытые историей, вновь всплыли на поверхность, и Министерство Магии задохнулось от нехватки персонала. Пожалуй, больше всех страдал Корнелиус Фадж: семьи, чье имущество когда-то конфисковали в пользу Министерства, теперь требовали вернуть всё до последнего сикля, а узники Азкабана внезапно начали массово объявляться «невинно осужденными жертвами обстоятельств».

Вздых Основателей о том, что «война разрушает дома маленьких магов, забывая, что они — будущее этого мира», вызвал лавину пожертвований в больницу Святого Мунго. Бывшие последователи Волдеморта, объединившись с нейтральными аристократами, создали фонд помощи детям, потерявшим родных в прошлой войне. Но самым невероятным стало обращение некоторых чистокровных семей к самому Альбусу: они просили воспользоваться списками

Хогвартса, чтобы найти маглорожденных детей, еще не достигших возраста поступления. Те планировали устраивать для них экскурсии в Косой переулок и приглашать в образцовые магические семьи, чтобы те привыкали к новому миру заранее и не отказывались от писем из школы. Для Дамблдора это была хорошая новость, но возможное столкновение культур вызывало у него тревогу. Магические технологии маглов могли стать громом среди ясного неба для консервативных волшебников.

«Магия развивается медленно, многие древние заклинания утеряны. Как долго мой лозунг о том, что «маглы слабы и нуждаются в защите», продержится перед лицом их стремительного прогресса? Не появится ли на этом фоне второй или третий Геллерт? Или вовсе Волдеморт?»

Слишком многое вышло из-под контроля. Дамблдор планировал сблизиться с Гарри Поттером сразу после его возвращения, чтобы повлиять на юного Спасителя, но теперь его время было спрессовано до предела. Даже Фоукс целыми днями летал с поручениями, не имея возможности вздремнуть. Минерва, на которую он привык полагаться, была настолько занята проблемами Гриффиндора и общением с самим Предком-львом, что ела буквально на бегу.

«Геллерт, скажи мне, что мне делать?»

Альбус погладил пустую раму на своем столе. Он никогда не чувствовал себя столь одиноким и бессильным. Доходят ли вести о хаосе в Британии до Нурменгарда? Что он об этом думает?

Северус Снейп, в последнее время занятый так, что едва успевал дышать, всё чаще ловил себя на желании уволиться. Лишь суровый, полный разочарования взгляд Предка-Змея удерживал его от этого шага, в то время как Предок-лев рядом довольно сиял. Снейп всегда считал, что студенты Хогвартса чересчур активны, но сейчас мелкие паршивцы будто разом объелись бодрящего зелья. Мерлин знает, откуда в них бралось столько энергии.

Закончив ночной обход и мысленно проклиная Основателей за этот кавардак, Северус приблизился к своим подземельям. Единственное, чего он хотел — это умыться и рухнуть в постель. Но, открыв дверь, он увидел Гарри Поттера, сосредоточенно строчившего что-то на пергаменте.

— Поттер, я полагал, что в это время вы уже должны видеть десятый сон.

В голосе Северуса сквозило раздражение. Ему меньше всего хотелось под конец дня разбираться с этим «лже-ребенком» или выслушивать нотации Поппи по поводу режима сна мальчика.

— Прошу прощения, профессор, буквально минуту. Я уже заканчиваю.

Гарри ответил, не поднимая головы. Он даже не вздрогнул от того, что его поймали — это была машинальная реакция.

Снейп шагнул вперед, намереваясь просто конфисковать пергамент, но первая же строчка заставила его забыть об отдыхе.

— «Зелья и чары для удаления Чёрной метки»? Поттер, объяснитесь.

— Это схема, которую мы с Гермионой разработали в конце прошлой войны, — Гарри отложил перо и протянул лист профессору. — Если вкратце: комбинация древней магии и алхимии. В то время многие молодые люди, не желавшие следовать за Волдемортом, не могли сопротивляться из-за семейных обязательств. Мы искали способ избавить их от этого бремени.

Гарри внимательно посмотрел на Снейпа.

— Профессор, я уверен, что нынешний хаос — идеальный момент. Мы оба знаем, что далеко не все аристократы — фанатики. Если те, кто колеблется, узнают о возможности снять метку, то к моменту возвращения Волдеморта он обнаружит, что его армия растаяла. Предотвратить его воскрешение технически слишком сложно, поэтому лучший путь — лишить его верных клинков.

Северус вчитывался в строки, мысленно проверяя совместимость ингредиентов. Ему пришлось признать: это был чертовски соблазнительный козырь. Удаление метки действительно вызвало бы волну дезертирства среди влиятельных семей.

— Поттер, я должен признать, что состав выглядит на удивление доступным, — медленно проговорил Снейп. — Но я не могу поверить в такую эффективность. Я сам годами изучал Метку и не нашел способа её стереть.

— Профессор, я понимаю, что вас больше интересует рецептура, но, увы, зелье здесь вторично. Главное — древняя магия.

Гарри устало потер переносицу.

— Война пожирает ресурсы. После падения Тома в моём сейфе не осталось ни единого кната, а население магической Британии сократилось на треть. Мы не могли позволить себе редкие ингредиенты. Зелье лишь стабилизирует состояние и гарантирует, что организм не выгорит в процессе. А само заклинание... оно основано на очищении и упокоении души. Понимаете, Метка по своей сути идентична древним проклятиям души. Именно поэтому Волдеморт может причинять боль, определять местоположение и призывать слуг на любом расстоянии.

Северус замер. Когда он снова пришел в себя, он не сдержал яростного шепота:

— Мерлин! Проклятие души! Безумец... Он действительно наложил проклятие души на столько древних родов! Неужели он не боялся, что его раскусят и объявят охоту по всему миру? Или я должен признать, что наши «великие аристократы» годами даже не заглядывали в собственные библиотеки?

Характерная реакция — именно так когда-то отреагировал Драко. Гарри горько усмехнулся. Всё было не так просто: Волдеморт использовал небольшую хитрость — он изменил формулу заклинания с помощью змеиного языка, сделав его нечитаемым для любого, кто не является Парселмутом.

— Профессор, дело не в том, что они забросили знания. Просто, кроме Волдеморта, это, вероятно, могу прочитать только я. Ключ к заклинанию — змеиная речь.

Северус бессильно опустил в кресло. Он не знал, кого проклинать первым. Том Реддл сотворил величайшую ложь, купив преданность Слизерина статусом Наследника. И Чёрная метка... Сколько людей гордились ею? Он сам когда-то был среди них. А на деле это оказалось лишь рабское клеймо, запечатанное шипением змеи. Сколько семей погубило это безумное поклонение? Сколько жизней было брошено на алтарь этого обмана? Сам Снейп заплатил такую цену, что временами жалел о своем рождении.

«Том Марволо Реддл, Тёмный Лорд, Волдеморт... Сколько имен для того, кто сам ненавидел свою кровь и сделал её источником войны. Насколько же мы были глупы, Мерлин, насколько же слепы, чтобы идти за безумцем».

Гарри молча наблюдал за сменой эмоций на лице профессора: шок, растерянность, ярость и, наконец, болезненное самоотречение. Он вспомнил, как Драко, узнав правду, просидел всю ночь в темной гостиной на площади Гриммо, никого не подпуская к себе. Слизеринцы не лишены мужества признавать ошибки — они просто делают это в одиночестве, выжигая слабость внутри себя, чтобы больше никогда не оступиться на том же месте.

Тогда, в прошлой жизни, Гермиона спросила его: «Гарри, я в замешательстве. Я верила, что ты победишь, потому что ты добр и смел. Но теперь... Парселтонг? Если бы Волдеморт не пошел убивать тебя, ты бы не получил эту силу и не увидел бы ловушку. Неужели пророчество решает всё? Что тогда значат наши усилия и жертвы?»

Гарри вспомнил свой ответ:

«Я не выбирал свою роль, но я никогда не соглашусь отдать всю жизнь на заклятие пророчеству. С одиннадцати лет моя жизнь вертелась вокруг Него. Я просто хотел, чтобы это закончилось быстрее. Мы потеряли слишком много. Я лишь надеюсь, что когда всё кончится, у выживших останется шанс на нормальную жизнь».

— Гарри, что ты сейчас сказал?

Гарри вздрогнул. Мысли унесли его слишком далеко. Ему почудилось, или... Профессор никогда не называл его по имени. Для него он всегда был «Спасителем», «Святым Поттером», «Золотым мальчиком» или просто «Поттером». В глазах Снейпа Гарри никогда не был самим собой.

— Гарри, я спрашиваю тебя.

Северус крепко сжал его плечи. Гарри окончательно пришел в себя и увидел перед собой профессора — встревоженного и слегка раздраженного.

— Профессор, вы... вы назвали меня по имени? — пробормотал он, невольно всматриваясь в лицо мужчины с робкой надеждой.

— Или вы забыли собственное имя, или полагаете, что мой возраст лишает меня памяти? — Снейп отпустил его плечи и скрестил руки на груди, чувствуя себя крайне неловко.

Он видел воспоминания Драко и знал, что «тот» Северус никогда не называл мальчика по имени. Но то была другая жизнь. И Северус не собирался признавать себя копией того человека из чужих кошмаров.

Эмоции, которые Гарри сдерживал годами — или десятилетиями, если считать обе жизни — прорвались наружу. Он рванулся вперед, утыкаясь лицом в мантию Снейпа, и разрыдался. Это не были тихие слезы — это был надрывный, захлебывающийся плач ребенка, на плечи которого взвалили судьбу мира.

Северус сначала замер, ошеломленный и скованный, но затем медленно, почти неуверенно, обнял его. Он начал мерно похлопывать мальчика по спине, как когда-то делала его собственная мать. Снейп вдруг осознал горькую истину: у него самого, при всей суровости отца, были моменты материнской нежности. А у этого ребенка в обеих жизнях не было ничего, кроме призрачных обрывков воспоминаний.

Гарри Поттер, которого он видел в чужой памяти — лидер войны, опора магического мира, стальной директор Хогвартса — теперь был просто измученным существом в его руках. Ребенок, который в этой жизни в одиночку справлялся с крестражами на Тисовой улице, пока другие дети играли в салки. Ребенок, который прямо сейчас, у него на глазах, перекраивал историю Британии.

«Дамблдор, я не признаю Гарри твоим учеником. Ты лишь дал ему выбор, когда он был слишком мал, чтобы понять цену. Мы все в неоплатном долгу перед ним».